

Экспрессивность абстрактных существительных в татарском языке

Категория экспрессивности все чаще привлекается к семантическим исследованиям. В современной лингвистике актуально применение коммуникативного подхода к исследованию семантики языковых единиц, независимо от того, системно значима их экспрессивность или окказиональна.

Мы разделяем точку зрения исследователей, определяющих экспрессивность как результат синтеза различных компонентов коннотации [1, 12]. В настоящем исследовании экспрессивность рассматривается как *лингвистическая категория, являющаяся **результатом** актуализации в значении слова или его лексико-семантического варианта сем оценочности, образности, эмотивности, измеримая посредством категории интенсивности и всегда предполагающая особую выразительность, обусловленную стремлением говорящего выразить свое субъективное отношение относительно факта или явления или создать в сознании реципиента определенный образ.*

Под *контекстуальной экспрессивностью* понимается такой вид, который появляется (а не реализуется, как в случае с ингерентной и адгерентной экспрессивностью) в каждом конкретном контексте и не существует вне данного контекста. К контекстуально-экспрессивным словам мы считаем целесообразным относить не только окказиональные образования, но и речевые единицы с нейтральными в экспрессивном отношении узуальными значениями, приобретающие экспрессивность в конкретном употреблении. В данной статье вопросы контекстуальной экспрессивности рассматриваются на примере татарских суффиксальных производных со значением абстрактности.

В целях изучения взаимодействия производного с контекстом нами была разработана и применена методика фонового изучения семантики контекстуально-экспрессивных производных. Под фоном понимается окружение производного, контекст, выступающий либо активным, либо пассивным участником создания экспрессивности в его семантике. Согласно

данной методике, контекстуальная экспрессивность появляется в значении производного благодаря образности или интенсификации фона. Образность создается парадигматическими (изобразительными) средствами, интенсификация – синтагматическими (выразительными). Применение данной методики позволяет выявить некоторые закономерности появления в значении производного системно не значимых компонентов коннотации, приводящих к его выделенности в контексте и, как следствие, экспрессивности.

В рамках настоящей статьи мы предприняли попытку доказать, что, во-первых, при особой организации контекста экспрессивно не маркированные абстрактные существительные способны приобретать контекстуальную экспрессивность; во-вторых, абстракция как лингвистическое явление сама по себе имеет и выполняет в контексте определенные экспрессивные функции.

Рассмотрим примеры появления экспрессивности в семантике абстрактных существительных на *-лык/ -лек*.

Образность фона

Появление контекстуальной оценочности, приводящей в конечном счете к экспрессивности абстрактного понятия, может создаваться образными сравнениями, например:

Корт шикелле,

Эчтән ашыый жанны

Хәрәкәтсез, гамьсез торгынлык [7: 55].

Абстрактное существительное *торгынлык* – *застой, кризис* образно сравнивается в данном употреблении с червяком, который медленно разъедает человека изнутри. На фоне существительного *корт* – *червь*, глагола *жанны ашарга* – *разъедать душу*, а также прилагательных *хәрәкәтсез* – *неподвижный*, *гамьсез* – *беспечный*, обычно использующихся для характеристики одушевленных предметов, экономический термин приобретает оценочность и контекстуальную экспрессивность.

Метафоры и метонимии часто используются в произведениях татарских писателей в целях повышения эмоциональности изложения.

*Яшьлек сәгать, тәүлекләрне сикереп кенә үтә, атна, айлар, еллар яшьлек өчен бик кыска ара. Ул гасырлар белән эш йөртә, үлем дигән нәрсә аның өчен абстракт бер төшенчә. Шуңа күрә яшьлек вак-төякләрне тиз оныта. ... Баш миенең бөтен күзәнәкләре актив эшләгәндә, **яшьлек** андагы һәрбер тартмада актарынып маташмый, энергия болай да ташып тора. Олыгая башлагач, ми сыеклана төшкәч, кеше “запас”ка мөрәҗғәгать итәргә мәҗбүрдер. ... Үткәндәге һәрбер вакыйга кадерлегә әйләнә. **Картлык** ул вакыйга турында тәфсилләп сөйләргә ярата. **Яшьлек** шуның өчен **картлыкка** мык астыннан көлебрәк карый [9: 158].*

В контексте приводятся философские размышления автора о том, что в молодости людям свойственно не обращать внимания на многие события, тогда как к старости человек начинает придавать им большее значение, ценить. Образность контекста основана на том, что в качестве основы сравнений автор использует метафору и метонимию. Эмоциональное отношение писателя реализуется за счет абстрактных понятий **яшьлек** – *молодость* и **картлык** – *старость* в конкретизирующем значении, а именно в форме метафоры “**яшьлек сәгать**” – *часы молодости* и метонимий **яшьлек** и **картлык**. В целях подчеркивания таких характерных свойств молодости, как беспечность, торопливость, легкомысленность, энергичность в контексте используются глаголы *сикерергә, онытырга, ташып торырга, көлебрәк карарга*. В результате автору удается вызвать у реципиента чувства снисходительности к молодости, в некоторой степени сочетающиеся с отрицательной оценочностью. С другой стороны, употребленное по отношению к старости сочетание *вакыйга турында тәфсилләп сөйләргә* - *подробно рассуждать о жизненных событиях* – вызывает у читателя чувства уважения, одобрения. Таким образом, в контексте нейтральные в экспрессивном отношении существительные приобретают коннотации эмоциональности и оценочности.

Благодаря метонимическому переносу эмоциональный компонент значения появляется в семантике существительного **яшьлек** и в следующем контексте:

Без сугышып үткән саз әңирләрдән

Поезд чаба хәзер үкереп.

*Ерактагы пилоткалы **яшьлек***

Күзләремә карый тутырып [7: 44].

Автор, говоря о том, что молодость, одетая в пилотку, пристально смотрит на него, имеет в виду далекие, но до сих пор волнующие его годы, когда он был солдатом. Благодаря метонимическому переносу, сочетанию *күзгә карарга – смотреть в глаза*, наречию *тутырып – пристально*, прилагательное *пилоткалы* и существительное **яшьлек** приобретают эмоциональную контекстуальную экспрессивность.

В художественных произведениях, часто при описании природных явлений, авторы создают эмоциональность повествования путем применения глаголов движения с абстрактными понятиями. Например:

*Тәрәздән агып кергән сүрән **яктылык**, ишәйгәннән-ишәя барып, озакламый бөтен бүлмәне тутырды. **Караңгылык**, әкрелләп почмакларга сыенды, пәрдә артларына үрмәләде, анда да сыеныр урын таба алмагач, идән ярыкларына саркып юкка чыкты [4: 77].*

Описание наступающего утра является частью более широкого контекста, в котором повествуется о том, как герой произведения в одиночестве просыпается в холодной комнате. Эмоциональность абстрактных существительных **яктылык** – свет и **караңгылык** – темнота создается за счет использованных глаголов *агып керергә – проникнуть*, *тутырырга – заполнить*, *сыенырга – приютиться*, *үрмәләргә – поползти*, *юкка чыгарга – исчезнуть*. Наделение абстрактных понятий признаками живых существ придает им значение конкретности и создает образность. Эмоциональность указанных существительных реализуется за счет того, что душевное состояние героя (одиночество) актуализируется благодаря созданию эффекта «присутствия», движения в комнате персонифицированных «света» и «темноты». Так посредством олицетворения указанные существительные наделяются в контексте эмоциональной экспрессивностью.

Интенсификация фона

Среди синтаксических средств, способствующих появлению контекстуальной экспрессивности абстрактных существительных, можно выделить назывные предложения, эллипсис и различного вида повторы.

Особенностью односоставных назывных предложений является их способность актуализировать содержательную сторону называемых явлений [6: 114]. Мысль, выражаемая абстрактным существительным, не имеющим непосредственного синтаксического окружения, звучит особенно категорично:

1) *Табигатьнең параллельлеген онытабыз. **Сабыйлык!*** [5: 111].

2) *Күңелдә сәер ашкыну. **Билгесезлек*** [5:40].

3) *Беләмсең, иң изге әйбер ниярсә дөньяда? **Гаделлек!** Пигамбарлар да шулай дигән, бабайлар да! **Гаделлек!*** [3: 109].

4) *Яңгыр яумый. **Корылык!*** [3:82].

В татарской разговорной речи распространены «эмоционально-окрашенные» предложения, составляющие, по убеждению М.З.Закиева, особую группу назывных предложений, в которых наиболее ярко выражается эмоциональное состояние говорящего [6: 114]. Суффиксы абстрактных существительных призваны усилить значимость производных, а также явлений, обозначенных в производящих основах. Например: *Һай ул **ялгызлык!*** Эмотивность производному придает междометие *һай (эх)*, выражающее досаду, сожаление, а суффикс *-лык* актуализирует качество, указанное в производящей основе – *ялгыз (одинокий)*, и образует абстрактное понятие, приобретающее эмотивную окраску ***ялгызлык (одиночество)***.

В татарском языке довольно распространенным явлением выступает эллипсис, придающий контекстуальную эмоциональность многим именным дериватам:

1) *Тояк астында жир тетри, тирә-юнь хәрәкәткә килә. Урманнар ага, болытлар, үзәннәр ага. **Жил – зәңгәрлек. Жил – яшеллек*** [5: 180].

2) ***Тәндә - жиңеллек, жәңдә – тынычлык*** [10: 243].

Особую роль в интенсификации фона выполняют различного рода повторы. Так, например, в стихотворении Р.Миннуллина “Күңелләр нечкәргәндә...” употреблено 23 (!) абстрактных и конкретных существительных с суффиксом –лык/-лек:

*И туган якның якынлыктары,
Басуларының алтынлыктары,
Туган ягымның моңсулыктары,
Тын сулыктары, уйсулыктары.
Сөн буйларының гүзәлләкләре,
Үзәкләреңне өзәрләкләре.
Агымнарының и тизләкләре,
Дулкыннарының җитезләкләре,
Туган ягымның күркәмләкләре,
Яланнарының иркенләкләре.
Офыктарының алыслыктары,
Һәр түмгәгенең танышлыктары ...
Якташларымның ябайлыктары,
Күңелләренең әй байлыктары ...
И әнкәемнең сабырлыктары,
Идәннәренең сарылыктары,
И йөзләренең яктылыктары,
Ризыктарының татлылыктары ...
И балачакның үксезләкләре,
Хыялларының чиксезләкләре ...
И бу хәтернең истәләкләре,
И бу күңелнең нечкәләкләре ...*

Каждая строчка заканчивается употреблением существительного в форме множественного числа, что морфологически выражается при помощи аффиксов –лык/-лек + -лар/-ләр + -ы/-е и создает мелодичность. Автор употребляет всевозможные существительные, включающие конкретные (сулык, уйсулык) и

абстрактные (*гүзәллек*) понятия, явления повседневного быта (*ризыкларының татлылыклары*), черты характера (*сабырлык*) и т.д., в результате чего абстрактные существительные наделяются значительной образной силой. В контексте можно обнаружить ряд слов с эмотивной коннотацией, в частности, существительное *әнкәем*, междометия *и*, *эй*. Благодаря указанным приемам существительные *якынлык* – близость, *тизлек* – быстрота, *гүзәллек* – красота, *сарылык* – желтизна, *истәлек* – память, *байлык* – богатство и многие другие приобретают коннотацию эмотивности, приводящую к контекстуальной экспрессивности [8: 50].

Для татарской разговорной речи, в особенности монологической, характерно употребление повторов-актуализаторов, под которыми понимаются повторы, «актуализирующие смысл того или иного члена предложения» [11: 123]. Особенностью таких повторов и их отличием от структурно-грамматических является то, что они призваны дать логическое ударение тому или иному слову, являющемуся новым в высказывании, подчеркнуть значимость называемого явления, повысить его экспрессивную нагрузку [11: 124-126]. В качестве повторяющихся элементов распространены абстрактные существительные:

1) *Гаделлек кирәк миңа, дускаем, гаделлек!* [2: 194].

2) *Тукта әле, балакаем, өзгәләnmә алай! Сабырлык кирәк, сабырлык!* [2: 279].

3) *Их-их-их, сабийлык, сабийлык!* [3: 366].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщения.

Любое суффиксальное производное представляет собой единицу языка или речи, способную приобрести экспрессивность в результате контекстного употребления. В связи с этим оно должно рассматриваться не только как элемент, повышающий экспрессивность той или иной части произведения, но и как элемент, становящийся экспрессивным благодаря контексту.

Наиболее существенное влияние на появление экспрессивности в значении деривата оказывает образность фона. Благодаря таким стилистическим

приемам, как метафора, метонимия, олицетворение и др. авторам произведений удается придать выразительность многим нейтральным в экспрессивном отношении производным, в частности, абстрактным существительным.

Синтагматические средства имеют существенное значение не только для контекста в целом, но и для семантики самого производного. Они позволяют повысить значимость производных в конкретном отрезке повествования. Использование рассмотренных в статье средств интенсификации фона усиливает смысловую нагрузку в контексте, поскольку способствует появлению эмоциональности и оценочности.

Частота использования суффиксов со значением абстрактности для создания контекстуально-экспрессивных производных не случайна. Абстрактные существительные при особой организации контекста способствуют более точному, лаконичному выражению мысли автора и удобны для передачи субъективного отношения говорящего.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш.Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
2. Бәширов Г. Гыйбрәт: Тәмамланмаган роман / Г.Бәширов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. – 367 б.
3. Бәширов Г. Туган ягым – яшел бишек / Г.Бәширов // Сайланма әсәрләр: 3 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. – Т. 3. – 436 б.
4. Вәлиев Р. Иске сәгать дәрәс йөри / Р.Вәлиев // Яшисе килә. Повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. – Б. 77-174.
5. Галиев М. Сайланма әсәрләр: 4 томда. / М.Галиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. – Т. 2. – 414 б.
6. Закиев М.З. Татарская грамматика: в 3 т. Синтаксис / М.З.Закиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. – Т. 3. – 488 с.
7. Маликов Ә. Туган як жиле / Ә.Маликов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 254 б.

8. Миңнуллин Р. Күңелләр нечкәргәндә ...: Шигырьләр / Р. Миңнуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 175 б.

9. Миңнуллин Т. Картаям микәнни? / Т. Миңнуллин // Өмет: Повестьлар, хикәяләр, юморескалар, уйланулар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – Б. 158.

10. Миңнуллин Т. Күңел бөтенлеге / Т. Миңнуллин // Өмет: Повестьлар, хикәяләр, юморескалар, уйланулар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – Б. 243-245.

11. Сафиуллина Ф.С. Синтаксис татарской разговорной речи / Ф.С. Сафиуллина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1978. – 253 с.

12. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.